

УДК 1 (091)

ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВЫХ ИГР Л. ВИТГЕНШТЕЙНА КАК ИСТОК АНАЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ¹

А.А. Аванесян

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Предложенная Л. Витгенштейном философия обыденного языка заложила основу нарративного подхода к познанию прошлого в рамках аналитического направления. Утверждение контекстуальной зависимости значения слов и высказываний привлекает внимание к конкретным практикам использования языка, заключая эпистемологический потенциал высказываний не в их референции к фактам внетекстовой реальности, но в способе их употребления в тексте. В рамках исторической теории это приводит к обоснованию когнитивной автономии повествования о прошлом, не требующей прямого соответствия недоступному для непосредственного восприятия прошлому. В соответствии с чем исследование прошлого осмысливается как практика единичных интерпретаций произошедших событий из ситуации настоящего.

***Ключевые слова:** аналитическая философия истории, теория языковых игр, нарратив, лингвистический поворот.*

Фигура Л. Витгенштейна занимает особое место в истории развития западной философии. Сформулированные в его первой крупной работе «Логико-философский трактат» мысли сразу вошли в круг основополагающих идей аналитического направления философии, став, в частности, одной из отправных точек построений теоретиков логического позитивизма Венского кружка. Но при этом, с точки зрения самого Л. Витгенштейна, восприятие и интерпретация положений «Трактата» в работах его современников оказались искаженными и некорректными. Подобное непонимание даже со стороны ближайших единомышленников во многом было неожиданно и сильно разочаровало австрийского философа, поскольку написанный труд рассматривался им как работа окончательная, раз и навсегда закрывающая вопрос о сущности, предмете и цели философского познания. Выражая в предисловии идею всего произведения словами «то, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, о том же, что высказать нельзя, следует молчать» [11, s. 150], Л. Витгенштейн задает особую программу философствования. Именно этим определяется своеобразие стиля трактата, состоящего из отточенных афоризмов, не предполагающих какого-либо обоснования. Каждый пункт работы предстает своеобразной формулировкой того, что может быть высказано, т. е. самоочевидной и логиче-

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-33-000447.

ски непротиворечивой констатацией, фиксирующей законченное философское суждение. Тем не менее, продолжая начатую Г. Фреге и Б. Расселом работу по выстраиванию теории очищенного от противоречий языка, идеально соотношенного с фактами действительности, австрийский философ не предполагает полного отказа от познания того, что не может быть схвачено естественнонаучным исследованием, того, что является предметом изысканий наук о духе. Его обращение к логическому атомизму было скорее попыткой путем точного определения того, что может быть высказано, показать то, о чем нельзя говорить непротиворечиво, апофатически выявить то, что не фиксируется фактами.

Атомарные предложения призваны выражать единичные факты, сложные предложения – связи между фактами, но мир как совокупность всех фактов не может быть схвачена языковыми средствами: «Взгляд на мир *sub specie aeterni* есть взгляд на мир как на ограниченную целостность. Чувство мира как ограниченного целого есть мистическое» [11, s. 148]. Даже если была бы возможность сформулировать атомарное предложение для каждого существующего факта, их совокупность не передавала бы целостность мира, поскольку для выражения целостности мира, в высказывание о нем следовало бы включить субъект как одну из составляющих мира, факт действительности, но «Я» представляет собой не часть, а предел мира [11, s. 116]. Витгенштейновский метафизический субъект не противопоставлен отделенным от него объектам мира и не представляется основополагающим элементом теории познания. Являя собой органическое единство языка и мира, трансцендентальное «Я» задает саму возможность познания, структурирует и оформляет мир подобно тому, как глаз определяет поле зрения, не являясь при этом его частью [5, с. 60]. Язык позволяет фиксировать факты действительности, точно описывать мир, но для того чтобы это было возможно, язык и мир должны обладать единой структурой. В качестве такой структуры согласно «Трактату» выступает логика. Именно логика задает эквивалентность языка и мира, позволяет определять их как образы друг друга, оборотной стороной чего оказывается невозможность точного описания не являющегося частью окружающей действительности субъекта. Логически выстроенный язык позволяет однозначно и ясно описывать то, что находится в пределах наблюдаемого мира, но не трансцендентальную фигуру самого наблюдателя. Согласно ранней доктрине Л. Витгенштейна, только точное описание действительности способно проявить, показать то, что остается за пределами возможностей логического анализа – целостность мира и его взаимосвязь с субъектом, определяющим взгляд на мир, способ его описания.

Аналитическая концепция Б. Рассела, равно как и неопозитивистская попытка построения идеального языка теоретиков Венского кружка, опирается на идею сущностной взаимосвязи языка и фактов внеязыковой реальности: в структуре высказывания должно быть нечто общее

со структурой фактов, чтобы можно было говорить об истинности или ложности высказывания. С этой точки зрения текст должен воспроизводить, как бы фиксировать, истинный порядок взаимосвязи фактов действительности, задача же методологии сводится именно к выработке необходимых правил языкового представления изучаемых явлений, что должно позволить исследователю смотреть на факты сквозь язык. Философская рефлексия Л. Витгенштейна времен «Логико-философского трактата» развивается в схожем направлении, в соответствии с чем атомарное предложение и языковое выражение явлений мира вообще определяются в качестве картины действительности, репрезентации фактов. Представляя отсутствующий объект, репрезентация призвана заменить его, и, чтобы это было возможно, она должна соответствовать оригиналу, разделять с ним единую логическую форму, что определяет возможность верификации истинности репрезентации: «Чтобы узнать, истинна или ложна картина, ее нужно сопоставить с действительностью» [11, s. 18]. Однако применительно к историческому познанию это сопряжено с определенным рода сложностью, поскольку у исследователя в данном случае нет непосредственного, внетекстового доступа к рассматриваемым фактам. Особенность исторического сочинения как репрезентации прошлого является то, что репрезентируемый объект не обладает актуальным присутствием в современности и не может быть воспринят иначе как через свою репрезентацию, единственным способом представить прошлое оказывается составленный историком о нем рассказ. Подобное положение вещей не оставляет возможности верификации истинности репрезентации путем ее сравнения с оригиналом, а из картины самой по себе нельзя узнать, достоверна ли она [11, s. 18].

С другой стороны, теория языковых игр «Философских исследований» Л. Витгенштейна задает иной ракурс рассмотрения языка, заключая эпистемологический потенциал высказывания не в референции к фактам действительности, а в контексте его употребления. В центре рассмотрения, таким образом, оказываются не явления внетекстовой действительности, а стратегии их языкового представления, что стимулирует развитие широкой программы исследований исторического нарратива в рамках аналитических концепций исторического познания. В «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейн исследует вопрос о том, каким должен быть логически выверенный, идеально соотношенный с фактами язык. За пределами рассмотрения при этом остается проблема личности говорящего. Метафизический субъект не является каким-то конкретным индивидом, но может быть в равной степени любым человеком, человеком, слившимся с миром, как и язык, утверждаемый «Трактатом», предстает языком обезличенным, повторяющим логическую структуру фактов действительности. Такой язык представляется общим для всех людей в той же степени, в какой общим для всех является и мир [5, с. 61]. Фиксируя тот факт, что только человек определяет

возможность и способ описания мира, «Трактат» тем не менее оставляет без внимания проблему индивидуальности, историчности каждого такого описания. Язык не задан в качестве «языка вообще», идеальной модели каждого потенциально возможного высказывания, он проявляет себя только в процессе использования, в единичных речевых актах. К рассмотрению этой проблемы Л. Витгенштейн обращается на более позднем этапе своей философской карьеры, реализуя в рамках «Философских исследований» программу анализа конкретных практик применения языка, согласно ключевому тезису которой значение слова определяется способом его употребления в речи [2, с. 43]. В этом смысле язык представляется не чем-то, что человек сначала заучивает в качестве набора правил, а потом использует, но тем, что постепенно осваивается в процессе употребления. По сути, только сама практика применения, конкретный контекст раскрывают смысл высказывания, который в ином дискурсе может полностью изменить свой характер.

Столь существенное изменение позиций австрийского философа оказало значительное влияние на дальнейшее развитие аналитической философии и в первую очередь аналитической философии истории. Концентрация внимания на конкретной речевой ситуации предполагает отказ от фигуры трансцендентального субъекта, оперирующего абстрактным языком научных понятий. Практика непосредственного использования языка напрямую зависит от личности единичного человека, неся на себе отпечаток индивидуальных особенностей вплоть до формирования индивидуального языка. Подобная постановка вопроса стимулирует осмысление историчности положения субъекта, его привязанности к ситуации современности, конкретной общественной обстановке. В этом отношении витгенштейновская концепция языковых игр задает особый вектор развития аналитической теории исторического познания, идущий фактически параллельно движению герменевтической философии, в рамках которой ключевое положение отводится осмыслению вовлеченности самого исследователя прошлого в поток исторического становления. Развиваемая М. Хайдеггером и Х.-Г. Гадамером линия философии истории отталкивается от тезиса о фундаментальной внутривременности бытия человека, невозможности вырваться из течения времени, абстрагироваться от исторически сложившегося положения в настоящем. Именно герменевтическая ситуация, в которой находится историк, формирует предпосылки и методологический инструментарий его работы, что делает неизбежным ситуативность исторического исследования, многообразие и изменчивость возможных картин прошлого и оценок случившегося. Схожим образом анализируют гуманитарную проблематику и последователи витгенштейнианской философии. Важнейший шаг в данном направлении, в частности, совершает Питер Уинч, применяя аналитический инструментарий «Философских рассуждений» к сфере социологии.

В своих рассуждениях британский наследник философии Л. Витгенштейна отталкивается от недвусмысленного утверждения, согласно которому осмысление реальности определяется используемым категориальным аппаратом: «...говоря о мире, мы говорим о том, что мы подразумеваем под словом мир» [10, р. 15]. У исследователя нет возможности выйти за пределы концепции, в рамках которой он изучает мир, а с изменением концептуального подхода неизбежно меняется и восприятие мира, понимание того, чем мир является. С этой точки зрения критическую важность приобретает различие гуманитарного и естественнонаучного познания. Природные явления существуют до и независимо от структур их осмысления. Изменение научных теорий меняет наше понимание существующих взаимосвязей, но не природную действительность саму по себе, что определяет эпистемологический потенциал методов наблюдения и эксперимента, позволяющих выявить закономерности организации природных явлений. С другой стороны, социальные явления, будучи продуктом духовной деятельности человека, не существуют вне рамок их понимания, а изменение этого понимания неизбежно влечет за собой и изменение социальной практики [там же, р. 125]. Общественные отношения, феномены социальной жизни конституируются практикой их воспроизведения, они оказываются именно такими, какими их делают участники этих взаимоотношений. Следуя во многом витгенштейновскому тезису о том, что соблюдение правила может быть обнаружено только на практике [2, с. 201–203], П. Уинч приходит к выводу, согласно которому социальные установления не могут быть поняты абстрактно, вне контекста их функционирования [10, р. 109–110]. В этом отношении именно подробное описание непосредственной работы того или иного социального института оказывается наиболее точным объяснением его сущности и выполняемых им функций. И по этой причине естественнонаучные методы наблюдения и эксперимента неприменимы к исследованию феноменов общественной жизни. В сфере гуманитарного познания исследователь изучает ту реальность, которой он сам охвачен, здесь невозможен взгляд внешнего наблюдателя, независимого от происходящих событий, социолог выступает скорее в качестве соучастника, который в процессе работы осваивает некую социальную практику, предлагая в результате свой вариант ее осмысления. Историческое или социологическое объяснение не может быть сведено к выработке общих теорий, набрасываемых на единичные факты, полнее его специфика раскрывается через сравнение с использованием языка: «...в то время как в естественных науках именно теория помогает нам объяснить незнакомое явление, знание логической теории никак не поможет понять рассуждения на незнакомом языке, для этого необходимо освоить этот язык, и этого уже будет достаточно, чтобы проследить связи между комплексами аргументов на этом языке» [там же, р. 134–135].

Утверждаемая поздним Л. Витгенштейном концепция философии задает, таким образом, взгляд на историческое исследование именно как повествование, подробный рассказ о прошлом, чем закладывается основа аналитической философии истории. Двигаясь в этом направлении, развернутую интерпретацию нарративной структуры исследования прошлого развивает Артур Данто. Согласно его подходу, повествование не только выступает в качестве естественной формы репрезентации исторического познания, но и включает в себе эпистемологический инструментальный работы историка. С этой точки зрения познание прошлого возможно только как рассказ о случившихся ранее событиях. А. Данто отталкивается от тезиса о том, что быть очевидцем события отнюдь не достаточное условие понимания смысла этого события [3, с. 66–67]. Более того, отсутствие непосредственного доступа к предмету исследования определяет саму сущность и возможность исторического типа познания. Чтобы понять смысл какого-либо события, необходимо учитывать вызванные им последствия – знание, недоступное непосредственному участнику или наблюдателю происходящего в данный момент. По этой причине единственной стратегией познания прошлого остается ретроспективный анализ случившегося. В этом отношении хроника не может рассматриваться в качестве исторического исследования, поскольку, не имея доступа к будущему, хронист отбирает события для своего сочинения фактически вслепую, зачастую случайно. Для того чтобы в хронику попали наиболее важные, релевантные в историческом плане события, необходимо нужно знать будущие последствия происходящего в данный момент. Задача же историка заключается не в том, чтобы попытаться увидеть случившееся глазами очевидца, а в том, чтобы видеть его во временной перспективе, с учетом более позднего развития событий [там же, с. 177]. Такая возможность, недоступная непосредственному наблюдателю, становится неоценимым преимуществом историка, от которого не имеет смысла отказываться, поскольку именно она задает условия познаваемости прошлого, позволяя рассказ об имевших место быть ранее событиях сделать полноценным научным исследованием случившегося. Работа историка заключается в представлении прошлого в качестве связного повествования, раскрывающего причинно-следственные связи случившихся событий. Взаимосвязанность событий не всегда имманентно присуща непосредственно ткани исторического становления. Зачастую до применения какой-либо концепции осмысления прошлое предстает разрозненным конгломератом фактов, сохранившихся обрывочно и фрагментарно. С этой точки зрения историк, скорее, не восстанавливает последовательность событий, а конструирует ее, опираясь на потенциал повествовательного жанра, рассказ о прошлом оказывается единственной формой объяснения случившегося. Повествование используется для объяснения происходящих в истории изменений, в том числе и на протяжении значительных про-

межутков времени: «...в задачу истории входит выявить эти изменения, организовать прошлое во временные целостности и объяснить эти изменения, одновременно рассказывая о том, что произошло, и используя временную перспективу, отражаемую в языке в виде нарративных предложений» [там же, с. 241]. Повествование оказывается предельной формой организации и представления знания о прошлом, которое, таким образом, напрямую определяется применяемой историком концепцией, той языковой игрой, в рамках которой он рассуждает о прошлом.

Данную линию осмысления исторической проблематики развивает в дальнейшем Л. Минк, подчеркивая невозможность концептуального выделения момента настоящего как такового, вне его принципиальной связанности с прошлым и будущим [8, р. 547]. Настоящее – эфемерно, неуловимо в своем движении от прошлого к будущему и может быть осмыслено только в контексте этого развития, становления. Точно так же, как момент настоящего, каждое единичное событие должно быть вписано в общий контекст течения времени, чтобы можно было оценить и понять его значение. И с этой точки зрения нарративное схватывание факта оказывается полноценной методикой познания в ряду остальных научных методов. Чтобы понять событие, его необходимо вписать в историю, объяснить, частью чего оно является, чем вызвано и к чему привело, только в свете целостной истории проявляется смысл каждого события. Сама же история раскрывает свое значение во взаимосвязанности, последовательности слагающих ее событий – акт понимания неотделим от акта прослеживания истории [там же, р. 555]. Нарративное представление прошлого вычленяет некую целостность временного промежутка из необъятного массива случившегося, придавая истории сюжет, развитие которого позволяет объяснить события. Подобная сюжетность не присуща истории (history) самой по себе, историк привносит ее своим повествованием: «...истории (story) не проживаются, но рассказываются» [там же, р. 557]. История должна быть рассказана, и именно то, как она рассказана, тот способ, которым историк описывает прошлое, определяет понимание случившегося. Как это подчеркивает А. Данто, возможно неограниченное количество нарративных предложений, истинно описывающих одно и то же событие, поскольку событие может быть произвольно включено в различные комплексы временных структур и только историк определяет, в какую именно временную структуру необходимо включить то или иное событие, организуя прошлое [3, с. 162]. Познание прошлого определяется непосредственной практикой исторического исследования, реализуясь в конкретных интерпретациях случившегося ранее, что предполагает неизбежную вариативность картин прошлого.

Плодотворный вариант анализа конкретных практик нарративного представления прошлого развивает Х. Уайт. Сформулированная им тропология раскрывает стратегии использования выразительных

средств языка для рефигурации событий прошлого в историческом исследовании. Объяснительная модель и структура организации материала исследования с этой точки зрения определяются избранной историком для своего сочинения стилистикой изложения, используемыми архетипами тропов. Причем приверженность той или иной тропологической стратегии оказывается не эпистемологически, а этически и морально зависима. Историк волен использовать любой удобный способ аргументации, любую объяснительную модель, будь то модель «охватывающих законов» или поэтического представления [9, р. 27]. Но даже в том случае, если историк объясняет прошлое при помощи законов общественного развития, его сочинение, тем не менее, выдерживает определенную стратегию повествования, поскольку факты прошлого не даны непосредственно, во всей их полноте и очевидности. Занимая строго определенную, исторически зафиксированную точку обзора, исследователь вынужден реконструировать факты прошлого в ситуации настоящего, по сути, создавать их заново, поскольку непосредственного доступа к ним нет. Исторический факт обладает смыслом только в контексте повествования о прошлом, события должны быть вписаны в сюжет исторического сочинения тем или иным образом, чтобы история стала понятна: сюжет объясняет свидетельство, организованное как история, идентифицируя эту историю как принадлежащую к некоторому классу историй [4]. Сам же способ организации фактического материала внутри нарратива, по мнению Х. Уайта, соответствует определенной конфигурации трех модусов: сюжетности (*emplotment*), аргументации и идеологических предпосылок [9, р. 29], которые выступают в качестве выражения глубинных структур исторического воображения. Существенно при этом то обстоятельство, что историческое познание не обладает специфически только ему присущими средствами выражения, но фактически использует литературные, в основе своей метафорические, приемы. И в этом смысле историческое исследование как целостный текст может рассматриваться в качестве литературного произведения, что определяет возможность свободного использования историком любых языковых средств для организации нарративной репрезентации прошлого.

В несколько ином ракурсе нарративную методологию исследования прошлого представляет П. Рикёр, развивая последовательную программу синтеза аналитической и герменевтической стратегий осмысления истории. С точки зрения французского философа, сама возможность понимания прошлого коренится в фундаментальной способности человека к восприятию течения времени. Именно опыт переживания времени, являясь неотъемлемой составляющей онтологии человека, задает средства структурирования прошлого. Обладая способностью к памяти, каждый индивид формирует определенного рода рассказ о себе, своеобразный нарратив, выражающий самосознание, понимание своего соб-

ственного бытия как личности, меняющейся во времени, но сохраняющей собственную идентичность. Это повествование важно не только на intersubъективном уровне, но и для самого человека, поскольку любое переживание, даже если это переживание своей собственной самости, должно быть артикулировано нарративным образом, должно быть рассказано, чтобы его можно было воспринять сознанием. Фактически уже на уровне оперирования памятью человек сталкивается с необходимостью рефлексивного отношения к ней, необходимостью проведения некой критики сохраняющейся в памяти информации [7, с. 45]. В этом смысле каждый человек обладает опытом написания своей собственной истории, что закладывает основу познания прошлого. Точно так же, как индивидуальная память запечатлевается в форме нарративной идентичности, живой опыт коллективной памяти должен быть зафиксирован, формализован в виде архивов письменных свидетельств, чтобы историки могли его осмыслить, понять и объяснить. Только в форме повествования история получает возможность быть воспринятой, только благодаря нарративному изложению прошлое обретает свое существование в ситуации настоящего. Таким образом, историческое исследование разделяет форму литературного произведения, принимая на себя все особенности повествовательного жанра и одновременно используя метафорическую референцию литературы как способ реконструкции недоступного для актуального восприятия прошлого [6, с. 100]. Воображение позволяет восстановить давно прошедшие события и связать их в единую цепь последовательного изложения. Само повествование о прошлом оказывается средством его объяснения, именно структура рассказа наделяет историческое исследование возможностью проследить развитие событий, придавая прошлому некоторую упорядоченность, понятность. Но реализация данной стратегии нарративного познания оказывается возможной только в силу того, что историческое исследование сохраняет принципиальную интенцию к прошлому, стремление правдиво передать произошедшие события. Прошлое не остается окончательно позади, оно напрямую связано с настоящим. Настоящее есть прямое продолжение прошлого, а прошлое продолжает себя в настоящем и будущем, сохраняясь, в том числе, и в материальных осколках прошлой реальности [7, с. 392]. Исторические источники, документальные свидетельства случившегося образуют своего рода связующие нити между прошлым и современностью, уже фактом своего присутствия в настоящем, подтверждая, что нечто когда-то действительно существовало. Утверждение нерасторжимой взаимосвязи прошлого и настоящего составляет ключевую особенность философии П. Рикёра, которая сохраняет свое значение и в вопросе развития исторического познания. Историческое сочинение не может быть рассмотрено в отрыве от общего контекста течения времени, получая свою жизнь в ситуации современности, оно само становится фактом историографии, включается в

бесконечный диалог о прошлом. С этой точки зрения ни одно историческое исследование не может претендовать на окончательно истинный характер своих выводов, но должно быть открыто к будущему пересмотру. История как особый способ познания, как исследовательская практика остается в первую очередь историей, непрестанно становящейся, существующей в процессе постоянного развития, реализуемого в многообразии конкретных интерпретаций событий прошлого.

Существенно отличающуюся теорию исторического познания предлагает Ф. Анкерсмит, предпринимая попытку построения логики нарративного описания прошлого. С точки зрения формальной структуры нарратив складывается из ряда единичных констатирующих высказываний, своего рода атомарных предложений, содержание которых составляют утверждения о неких фактах действительности. Единичное высказывание либо точно фиксирует явление, либо нет, соответственно оно может быть истинным или ложным. Однако значение атомарного высказывания не ограничивается прямой референцией к внетекстовой реальности, оно также зависит, как это выявляется в «Философских размышлениях» Л. Витгенштейна, от контекста его использования. Будучи сложением из структурированной последовательности предложений, нарратив как целостность не сводится по своему смыслу к сумме значений его элементов. Складываясь в единую, взаимосвязанную систему, отдельные высказывания приобретают новую когнитивную значимость. В этом смысле проявляется эпистемологическая автономия, самостоятельность нарратива, что выявляет глубокий разрыв между атомарным предложением и целостным текстом: прямое соответствие единичного высказывания определенному факту действительности утрачивается на уровне повествования. Смысл нарратива не определяется его отношением к реальности за пределами текста, более того, само повествование не может быть достоверным или нет, истинным или ложным [1, с. 108]. Подобное измерение, позволяющее точно верифицировать атомарное предложение, не применимо к целостному повествованию. Историческое сочинение должно по возможности состоять только из истинных утверждений, стремясь свести к минимуму неточности и искажения, однако его значение по своей сути превосходит простую констатацию фактов. Нарратив не отражает действительность напрямую, поскольку не повторяет структуру прошлого, вернее, прошлое не обладает повествовательной структурой, но сам историк формирует ее в своем тексте [там же, с. 128]. Историческое становление не доступно наблюдению в качестве связанной последовательности событий, такая последовательность может быть сконструирована только в рамках повествования о прошлом. До репрезентации в нарративной форме историю как поток происходящего во времени невозможно охарактеризовать ни закономерной, ни случайной, но, используя языковые средства, историк теоретически в состоянии произвольно связать собы-

тия любым удобным для него способом. И в этом отношении не прошлое определяет способ своего описания, а скорее это описание формирует определенный взгляд на прошлое, некую точку зрения, в свете которой историческое развитие может быть объяснено и понято. Этот момент составляет существенное отличие исторического познания: концептуальное понимание, некое «видение как» своего предмета не предсуществует исследованию, как это свойственно естественным наукам, не дано заранее, но фактически формируется в процессе нарративного изложения прошлого [там же, с. 135]. Таким образом, в рамках каждого исторического нарратива решаются две задачи: дается описание явлений прошлого и формулируется точка зрения, с которой эти явления рассматриваются. Причем обе эти функции выполняются одновременно, высказывания, из которых состоит повествование, нельзя систематически разделить на описывающие прошлое и формирующие перспективу его видения. Формирование определенной стратегии осмысления прошлого – фундаментальное свойство нарратива, от которого невозможно отказаться и которое напрямую определяет его когнитивный потенциал. В этом отношении очень важно наличие различных нарративов, исследующих одну проблему, поскольку ни одна точка зрения не может претендовать на исключительную истинность [там же, с. 336]. Тем самым концепция Ф. Анкерсмита отрицает возможность выработки обобщенного понимания прошлого, единой схемы исторического развития, применение которой позволило бы объяснять единичные факты. Каждый вопрос в сфере исторического познания должен находиться в центре научного обсуждения, подвергаться анализу с использованием различных методик и подходов, предлагающих новые ракурсы рассмотрения проблемы.

Ознаменованный философией обыденного языка позднего Л. Витгенштейна, лингвистический поворот оказал сильнейшее влияние на развитие аналитических концепций исторического познания. Утверждение нарративной методологии исторического исследования способствовало отказу от позитивистского подхода к изучению прошлого. Обобщающему взгляду, подчинявшему познание прошлого рационально выведенной универсальной схеме исторического развития, было противопоставлено осмысление историчности субъекта и процесса познания, что в сфере исследования прошлого имеет принципиальное значение. Историком познается процесс, которым естественным образом охвачено бытие человека, от которого нельзя абстрагироваться, чтобы охватить его единым взглядом как целостность, человеку недоступен внешний, естественнонаучный взгляд на историю. В этой связи аналитические нарративистские концепции, обосновывая эпистемологическую самостоятельность, нерепрезентативность повествования о прошлом, развивают идеи контекстуальной зависимости, историчности познания. Исследователь, таким образом, рассматривает процесс истори-

ческого становления не как отстраненный внешний наблюдатель, но как его соучастник. В рамках такого подхода исследование прошлого определяется не универсальной методологической установкой, а конкретными практиками изучения, непосредственной работой историков, что неизбежно утверждает многообразие подходов и методов, бесконечность возможных точек зрения и необходимость постоянного диалога в сфере исторической науки.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф.Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс. 2003. 360 с.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. М.: Гнозис. 1994. Ч. 1. С. 75–321.
3. Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс. 2002. 292 с.
4. Кукарцева М.А. Начало лингвистического поворота в историописании // *Monstera* №4. Философские проблемы социально-гуманитарного знания. М.: МГТУ «МАМИ». 2004 // Электронный ресурс. URL http://abuss.narod.ru/Biblio/kuk_monstera.htm
5. Сокулер З.А. Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX века. Долгопрудный: Аллегро-Пресс. 1994. 169 с.
6. Рикёр П. Время и рассказ. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга. 1998. Т. 1. 313 с.
7. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы. 2004. 728 с.
8. Mink L.O. History and Fiction as Modes of Comprehension // *New Literary History*, V. 1, № 3. History and Fiction. 1970. P. 541–558.
9. White H. *Metahistory: the historical imagination in nineteenth-century Europe*. Baltimor. 1973. 448 p.
10. Winch P. *The Idea of a Social Science and its Relation to Philosophy*. London: Routledge. 1990. 160 p.
11. Wittgenstein L. *Logisch-philosophische Abhandlung*. London: Routledge&Kegan Paul. 1961. 200 s.

L. WITTGENSTEIN'S LANGUAGE GAMES THEORY AS A SOURCE OF ANALITICAL HISTORICAL EPISTEMOLOGY DOCTRINES

A.A. Avanesyan

Tver State University, Tver

The ordinary language theory offered by L. Wittgenstein became a foundation of the narrative approach to the understanding of the past within the current of analytical philosophy. Declaring the contextual meaning of words and propositions, it opens the horizon of concrete language practices study and reveals the epistemological potential of propositions in their usage within language context. When applied to epistemology of history issues, this kind of approach

uncovers the cognitive autonomy of historical narration that does not aim at attaining adequacy to the immediately perceived currently non-existent events of the past. Thus, the study of the past should be understood as a practice of specific interpretations of the past events from the point of view of the present.

Keywords: *analytical philosophy of history, language games theory, narrative, linguistic turn.*

Об авторе:

АВАНЕСЯН Артем Александрович – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: timmmyy@ro.ru

Author information:

AVANESYAN Artem Alexandrovich – Ph.D. student of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: timmmyy@ro.ru